

Не зря говорят — дворцовая выучка. Мастерство, с которым этот евнух разыгрывал сцену, заслуживало похвалы. Шэнь Цинхань с ледяным спокойствием наблюдал за суетой не то мужчины, не то женщины. Евнух Цзиньюнь, задыхаясь и срываясь на хриплый крик, в панике взывал к нему:

— Хоу, господин Хоу! Его Величество харкает кровью, жизнь его висит на волоске!

На сей раз спектакль удался на славу: ни капли прежнего хладнокровия. Евнух едва ли не полз на коленях, заклиная Ин Сыиня поверить в неминуемую беду.

Сыма Вэйхоу был прав. За их плечами — двадцать лет совместной жизни; Шэнь Цинхань на свете прожил меньше. Будь у него хоть трижды лик небожителя, как мог он тягаться с узами столь долгой и глубокой привязанности?

Ин Сыинь даже не взглянул на него, лишь бросил вскользь:

— Цинхань, продолжай тренировку. Я навещу его и скоро вернусь.

Это «скоро» затянулось до самой ночи.

В этом поместье всё было чужим. Слуги, интриги, друзья и враги — здесь все варились в одном котле, умели фальшиво улыбаться друг другу, а он оставался аутсайдером. Шэнь Цинхань вновь остро ощутил, насколько он здесь лишний. Персиковое дерево во дворе давно выкорчевали, яму заложили плиткой. Он сидел на каменных ступенях, прижимая к себе меч, и не знал, куда деть себя и свои мысли.

Удастся ли ему когда-нибудь отомстить?

Пока что шансов не было. Ин Сыинь оказался дьявольски проницателен. Он словно чувствовал малейшее колебание чужой воли, умел отличить мимолетное раздражение от жажды убийства. Даже стоя спиной, он ощущал угрозу. Стоило Шэнь Цинханю лишь коснуться рукояти, едва задумав удар, как Ин Сыинь, не оборачиваясь, произносил:

— Цинхань, не балуй.

Не балуй.

Для него все эти отчаянные попытки были не более чем детской шалостью.

Ин Сыинь вернулся глубоко за полночь. Шэнь Цинхань к тому времени уже забрался под одеяло.

Хозяин поместья действовал стремительно: скинул верхние одежды, распустил волосы и, едва нырнув в постель, привычным жестом притянул юношу к себе. Шэнь Цинхань был хрупок и тонок; стоило развязать пояс, как талия его легко умещалась в ладонях.

Ин Сыинь уткнулся лицом в его волосы, глубоко вдохнул аромат и негромко произнес:

— Хватит притворяться, я же знаю, что ты не спишь.

Шэнь Цинхань открыл глаза. Ощущая спиной жар чужого тела, он глухо отозвался:

— Господин Сыма и господин Шан приехали в Цзибэй.

— Знаю, — Ин Сыинь понизил голос. — Видел их днем. Почему голос такой слабый? Опять ничего не ел?

Шэнь Цинхань уткнулся лицом в подушку:

— В Цзибэе всё невкусно. Мне не нравится здешняя еда.

На мгновение воцарилась тишина. Наконец Ин Сыинь спросил:

— Какая кухня тебе по душе? Скажи, и я отвезу тебя туда.

— В детстве отец возил меня в Юйчжоу, — заговорил Шэнь Цинхань, отдаваясь воспоминаниям. — Помню, там пекли лепешки... такие хрустящие, ароматные. Один раз попробовал, и с тех пор вкус не забывается. А случая вернуться так и не выпало. Я ужасно голоден.

— Лепешки? — переспросил хоу.

Шэнь Цинхань обернулся. Ин Сыинь смотрел на него во все глаза; он улыбался, и его взгляд был непривычно нежным.

— А я-то думал, такие небожители питаются одной лишь росой, — усмехнулся он. — Оказывается, тебе не чужды земные радости вроде простых лепешек.

— Я не небожитель, — отрезал юноша.

Ин Сыинь коснулся его щеки:

— С таким лицом? Если ты не житель небес, то кто же?

Он был тонкобров, длинноресничен, с точеной переносицей и манящими бледными губами... Кожа белее снега, взгляд, способный растопить лед, шелк волос — его красоту можно было воспевать часами. Ин Сыинь признавал: за все тридцать шесть лет он не встречал никого прекраснее.

Раз обещано было ехать в Юйчжоу за лепешками, на следующее утро всё поместье хоу Цзибэя пришло в движение.

Сыма Вэйхоу и Шан Лоюнь, следуя этикету, не могли не навестить Ин Цзинвэня. Император и впрямь выглядел скверно: мертвенная бледность на лице не была подделкой. Если бы кто-то задумал переворот или покушение, сейчас было бы самое время.

Обменявшись парой дежурных фраз и выразив притворное сочувствие, чиновники покинули покои государя. Сыма Вэйхоу пребывал в на редкость добром расположении духа.

— Нашему хоу словно сами небеса покровительствуют, — заметил Шан Лоюнь. — Всё у него ладится. Даже если он не ищет добычу, крупная рыба сама идет в сеть. Если бы не эта его чрезмерная привязчивость, быть бы ему истинным избранником судьбы.

— Толку-то от божественной милости, — фыркнул Сыма. — Небеса прочат ему трон, а он упрямо стал порождением страсти.

— У него не было выбора. Его Величество когда-то и впрямь был к нему добр.

— И он до сих пор не понял, почему? — язвительно бросил Сыма.

— Мир изменчив, не будьте так суровы. Возможно, чувства прошлого были искренними.

Сыма Вэйхоу лишь расхохотался:

— Искренними? О какой искренности речь, когда он сейчас милуется с этим Шэнь Цинханем, позабыв обо всём на свете?

— Вы же сами вчера говорили, что Шэнь — лишь способ забыться.

— Мало ли что я болтаю сгоряча! — отмахнулся Сыма. — В делах сердечных наш хоу — загадка даже для меня.

За два дня в поместье они видели Ин Сыиня от силы трижды, и всякий раз он либо ублажал

новую страсть, либо нянчился со старой любовью. Узнав, что Ин Цзинвэню стало чуть лучше, Сыма Вэйхоу потащил Шан Лоюня к покоям хозяина.

Служанки сновали туда-сюда с узлами и сундуками. Суэта стояла невообразимая.

Сыма преградил дорогу одной из девушек веером:

— Что за шум? Неужто хоу передумал и велел вернуть персиковые деревья на место?

Девушка, приснув, прикрыла рот ладошкой:

— Вовсе нет. Господин Шэнь пожелал отправиться на прогулку, вот хоу и велел собирать вещи в дорогу.

Шан Лоюнь искренне удивился:

— Наш сосед решил сменить обстановку? Столько вещей... Вы что, на поклонение в Восточные горы собрались или на озеро Сиху любоваться красотами?

— Ни в горы, ни на озеро, — ответила служанка. — Господа едут в Юйчжоу.

Юйчжоу?

Веер едва не выпал из пальцев Сыма Вэйхоу.

Шан Лоюнь изумленно переспросил:

— В Юйчжоу? Покинуть Цзибэй ради Юйчжоу? Вы о том городе, что за тремя хребтами и семнадцатью городами отсюда?

— О нём самом.

Лицо Сыма Вэйхоу потемнело.

— Зачем такая даль? Хоу у себя?

— У себя, завтракает с господином Шэнем. Велел сразу после трапезы выезжать... Ой, господин Сыма, позвольте я сначала доложу о вас! Господин Шэнь не выносит, когда к ним врываются без спроса.

— Не нужно, — Шан Лоюнь придержал испуганную девчущку. — Господин Сыма вхож к хоу без доклада. Ступай по своим делам.

— Только не говорите, что видели меня! — бросила она на бегу.

Шан Лоюнь лишь покачал головой. Ин Сыинь не менялся: девчонки до смерти его боялись. Видимо, этот малец, Шэнь Цинхань, действительно пришелся ему по вкусу, иначе давно бы уже кормил червей.

В этот момент с ветки дерева, подобно летучей мыши, свесился Гу Цзэсяо. С цветком в зубах и отсутствующим взором, он напугал Шан Лоюня своим внезапным появлением.

— Маленький господин Гу, вы...

— Господин Шан, — вяло отозвался Цзэсяо, качаясь вниз головой, — лучше не заходите. Поберегите нервы. Пойдите-ка лучше здесь, со мной.

Шан Лоюнь и сам не горел желанием входить.

— Судя по вашим словам, за последнее время поводов для стресса было предостаточно?

— Трижды в день, — вздохнул Гу Цзэсяо. — Честно говоря, я думаю, что первая любовь так сильно ударила хоу по голове, что он окончательно повредился рассудком.

Он спрыгнул на землю, скрестил руки на груди и с тяжелым вздохом уставился на двери покоев:

— Лишь бы не буйное помешательство.

Шан Лоюнь заглянул внутрь, но разглядеть ничего не сумел.

Зрелище и впрямь было не для слабонервных. Сыма Вэйхоу, едва переступив порог, споткнулся и чуть не растянулся на полу.

Шэнь Цинхань в лазурных одеждах, с волосами, собранными в изящную корону, и длинным мечом у пояса, выглядел безупречно. Его туфли сияли чистотой, словно он вовсе не касался земли. Если раньше, в Поместье Пошуй, он казался просто чистым и отстраненным, то сейчас, рядом с Ин Сыинем, в нём проснулась пугающая, почти порочная красота. Каждое его движение, каждый взгляд казались искусным соблазном.

Он был слишком красив.

Но Ин Сыинь превзошел все границы. Вместо того чтобы завтракать самому, этот грозный хоу с нескрываемым обожанием обмахивал юношу веером.

Заметив гостя, Ин Сыинь даже не шелохнулся.

— Вэйхоу, ты уже ел? Тут осталось полчашки каши, — он указал веером на остатки трапезы Шэнь Цинханя.

Сыма Вэйхоу стиснул зубы, выдавив фальшивую улыбку:

— Слышал, вы собрались в Юйчжоу?

— Истинная правда, — отозвался Ин Сыинь. — Цинхань вспомнил, что в детстве пробовал там чудесные лепешки. Решил свозить его, поискать. Наша цзибэйская кухня ему не мила. Посмотри, за пару дней как иссох бедняжка.

Сыма Вэйхоу не заметил никакой худобы, но промолчал, сдерживая ярость.

— Юйчжоу — не ближний свет. Вы намерены бросить Его Величество здесь? Неужели не предпримете ничего?

— А что мне делать? — Ин Сыинь наконец посмотрел на друга. — Вы как раз возвращаетесь в Имперскую столицу, вот и заберите Цзинвэня с собой. С вами и Шан Люнем он будет в полной безопасности. Я совершенно спокоен.

Лицо Сыма Вэйхоу перекошило. Ин Сыинь заметил это, но лишь безмятежно улыбнулся, продолжая обдывать Шэнь Цинханя легким ветерком.

Юноша отставил чашу и поднялся:

— Поговорите без меня. Я подожду снаружи.

Он был на редкость догадлив. Ин Сыинь не стал его удерживать, а Сыма Вэйхоу даже посторонился, давая дорогу. Стоило Шэнь Цинханю отойти на приличное расстояние, как Сыма рванулся к столу и с силой обрушил ладонь на столешницу.

Громкий хлопок заставил фарфоровую чашу подпрыгнуть. Она опрокинулась, остатки каши поползли по дереву, а сам сосуд скатился на пол и разлетелся вдребезги.

Ин Сыинь, известный своим непредсказуемым нравом и жестокостью, на сей раз остался на удивление спокоен. Он лишь меланхолично посмотрел на осколки и перевел веер на себя.

— Вэйхоу, что за муха тебя укусила?

<http://bllate.org/book/17523/1659490>